

Г.Е. Лебедева, В.А. Якубский

**О.А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
О ПРОБЛЕМАХ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ
И ИДЕЙНАЯ ЦЕНЗУРА 1930-х ГОДОВ**

В трудах российских медиевистов 20-х–30-х годов XX столетия проблема крестоносного движения занимала сравнительно мало места. Самый подход отечественных историков к этой тематике весьма показателен для своего времени. Авторское восприятие крестоносных экспедиций (в том числе всегда вызывавшего самые острые споры Четвертого крестового похода), истолкование их причин и результатов – все это наглядно характеризует позиции как отдельных историков, так и целых научных школ и течений в период между двумя мировыми войнами. Те отклики, какие получили эти труды у современников и историографов последующего времени, дают благодарный материал для характеристики состояния отечественной исторической мысли XX в.

Историографию послереволюционных лет нередко делят на две противопоставляемые друг другу части, ориентируясь при этом на методологию. Что касается крестоносной тематики, то в число трудов первой группы, пользовавшихся благорасположением властей, попадали работы (за редким исключением это были лишь сочинения популяризаторского или пропагандистского толка), которым был свойственен разоблачительный пафос, демонстрирующий негативную роль в истории религии и духовенства. Авторы этих трудов, называя себя марксистами, по поводу и без повода приводили цитаты из произведений основоположников этого учения. Вторую, менее многочисленную часть исследований, составляли труды ученых старой школы, концепции которых представителями первого направления – в зависимости от установок свыше и от личного темперамента – либо беспощадно клеймились, либо снисходительно признавались не лишенными познавательного интереса.

В интересующем нас вопросе старую, домарксистскую школу наиболее ярко представляла Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874–1939). Ученица и во многом последовательница И.М. Гревса, она в своих культурологических изысканиях еще до революции 1917 г. часто обращалась к истории Крестовых походов. Среди ее ранних печатных трудов – “Письмо князей-крестоносцев к папе Урбану II”¹. В 1913–1914 и 1914–1915 учебных годах на Бестужевских Высших женских курсах в Петербурге она читала большой лекционный курс на тему крестоносного движения. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится авторский конспект этих лекций, насчитывающий около 500 страниц. Конспект свидетельствует, насколько подробно Добиаш-Рождественская освещала как подго-

¹ Опубликовано в сборнике: Николаю Ивановичу Карееву. К сорокалетию профессорской деятельности. СПб., 1914.

товку и ход Крестовых походов (особенно первого из них), так и историю крестоносных государств в Сирии и Палестине. Большое внимание она уделяла при этом отечественной и зарубежной историографии вопроса: прилагаемый к лекциям список литературы содержит более сотни наименований. Примерно четверть всего листажа была отведена источникам: самим текстам и их анализу. Подробно рассматривались хроники и иные памятники эпохи, в частности было блестяще аргументировано доказательство подлинности письма Алексея I Роберту Фландрскому².

С лекционным курсом генетически связана книга О.А. Добиаш-Рожественской “Эпоха Крестовых походов (Запад в крестоносном движении)” (Пг., 1918). Если авторы, писавшие о крестоносцах на рубеже XIX–XX вв., чаще всего концентрировали внимание на событийной истории походов и настойчиво искали в источниках информацию о политической или социально-экономической подоплеке происходивших событий, то ученице Гревса представлялось более важным разобраться в мыслях и чувствах, какие обуревали паломников и воителей, отправлявшихся в Палестину. Названную книгу, а вскоре последовавшие за ней еще две – “Западные паломничества в средние века” (Пг., 1924) и “Крестом и мечом. Приключения Ричарда Львиное Сердце” (Л., 1925) – можно смело причислить к трудам по исторической антропологии. Исследовательницу интересовали прежде всего сами люди и то, как они впоследствии повествовали о виденном ими в далеких краях или слышанном от других.

Научно-популярные лишь по своей форме труды Добиаш-Рожественской демонстрировали глубокое знание предмета. Явная симпатия автора к крестоносному движению, желание разобраться в душевных порывах людей средневековья вызывали тогда (в 1920-е годы) раздражение у многих историков. В позиции автора увидели чуть ли не прямой вызов новым веяниям в историографии, которые олицетворял тогда, например, Н.Н. Розенталь. Будучи, как и Добиаш-Рожественская, учеником И.М. Гревса, он, увлекшись социологическими схемами в духе собственного понимания марксизма, уверенно увязывал Крестовые походы с экспансией торгового капитала.

Упомянутое разделение историков на две группы было, однако, более чем условным. Четко обозначенные “партийной печатью” различия в методологии на практике постоянно отступали на задний план перед соображениями сиюминутной политики. В итоге ревностные изобличители идеалистических концепций порой сами оказывались повинными в еще более тяжких “прегрешениях”. С середины 1930-х годов обвинения в политических и идеологических ошибках стали вдвойне опасными. Это испытал на себе тот же Н.Н. Розенталь. Назначенный в 1934 г. заведующим кафедрой истории средних веков только что возрожденного исторического факультета Ленинградского университета, он уже через полгода был изгнан из ЛГУ, когда его покровителя, декана истфака Г.С. Зайделя, арестовали как врага народа.

По иронии судьбы О.А. Добиаш-Рожественская, которую преуспевавшие коллеги, историки “новой формации” долгие годы третировали, упрекая в идеализме, непонимании законов истории и пр., к этому времени доби-

² См.: Заборов М.А. Из истории изучения крестовых походов в отечественной медиевистике (“Крестовые походы”. Курс лекций О.А. Добиаш-Рожественской) // История и историки. М., 1966.

лась признания, правда, скорее как архивист и палеограф. В посвященных ей биографических очерках советский период в жизни выдающегося ученого предстает иной раз в несколько приукрашенном виде, тогда как на деле ее взаимоотношения с новой властью были не всегда гладкими. Но все-таки она имела с тех пор возможность работать в Отделе рукописей Публичной библиотеки, вести занятия со студентами. В 1929 г. ее избрали членом-корреспондентом АН СССР.

Возможность снова вплотную заняться крестоносной эпопеей предоставилась Добиаш-Рожественской в 1934 г. Весной этого года Государственной академии истории материальной культуры и ее кафедре истории феодализма в Западной Европе было предписано в духе майского постановления Совнаркома и ЦК партии “О преподавании гражданской истории в школах СССР” спешно развернуть работу над университетским учебником по истории средних веков. Администрация, “сколачивая”, как тогда выражались, авторский коллектив, с просьбой написать “отдел о Крестовых походах” обратилась, естественно, к О.А. Добиаш-Рожественской. Та была перегружена другими делами и тем не менее охотно дала согласие.

Радовала возможность вернуться к любимой теме, да и вообще настроение у нее в то время было приподнятое. Свидетельство тому – датированное 9 июня письмо Д.М. Перушевскому с перечислением новостей. “Их немало. Они хорошие”, – предуведомляла она корреспондента, сообщая далее о полученном И.М. Гревсом и ею предложении с будущего года вести занятия в университете, об открывающихся перспективах на переиздание ее “Истории письма в средние века” и на публикацию Кремонских хартий. К разряду хороших новостей она отнесла и то, что председателем феодального сектора в ГАИМК³ был назначен Э.Д. Гримм. С известным историком³ Эрвином Давидовичем Гриммом (1870–1940) О.А. Добиаш-Рожественская познакомилась давно: он в частности был в 1911–1918 гг. ректором Петербургского (Петроградского) университета. Поскольку теперь Гримм одновременно становился и редактором готовящегося учебника по истории средних веков, она была уверена: “Стало быть, все налаживается к лучшему, возможно, лучшему”.

Впрочем опыт уже научил ее не слишком предаваться эйфории, и итог перечисленным новинкам был подведен в несколько иной тональности: “Как видно, все это не плохо, иное совсем хорошо”⁴. В отправленном спустя две недели письме И.М. Гревсу сомнения проявились еще отчетливей. “Не все, конечно, и тут безоблачно”, – писала она о ходе дел, хотя и успокаивала своего старого учителя – и, должно быть, саму себя – рассуждением: “Все же, думается, то, что /.../ подымает, сильнее, живее того, что депримирует”⁵.

К сомнениям, которые заставляли рассуждать в таком ключе, в недолгом времени добавился конфликт, как раз связанный с крестоносной проблематикой. Не все этапы долгого и в конце концов безрезультатного препирательства освещены в доступных нам материалах с одинаковой полнотой. Но как бы то ни было, обнаруженные нами в делах Ученого совета ГАИМК

³ Там же.

⁴ Добиаш-Рожественская О.А. Культура западноевропейского средневековья. Научное наследие. М., 1987. С. 258–259.

⁵ Там же. С. 259–260.

документы: письма О.А. Добиаш-Рождественской, копии писем Э.Д. Гримма к ней, некоторые другие касающиеся этого дела официальные бумаги⁶ дают неплохую возможность судить о подходе исследовательницы к проблеме Крестовых походов и вообще к научной работе, об ее понимании марксизма, не говоря уж о том, что бумаги эти кое в чем дополняют представление о состоянии нашей медиевистики и нашего общества в середине 1930-х годов. Потому остановимся на этом эпизоде несколько подробнее.

Еще в июне, прежде чем уехать за город, на дачу, Добиаш-Рождественская успела составить проспект (“программу”) будущей главы и бегло обсудить его с Гриммом (который официально именовался “заведующим кафедрой истории феодализма в Западной Европе”) и секретарем кафедры М.А. Тихановой. Пока же на очереди стояли другие дела. “Занятая всецело агрикультурой и палеографией”, она писала Гревсу с дачи: “Взяла сюда пишущую машинку и выстукиваю агрикультуру по утрам и палеографию вечером”⁷. Неожиданностью явилась присылка 2 июля из ГАИМК официальной программы отдела “Крестовые походы” взамен той, что была представлена ею. Прочтя бумажку, исследовательница отодвинула в сторону все прочие занятия и немедленно села за ответ.

Так началась продолжившаяся и после возвращения в Ленинград затянувшаяся на полгода переписка. Может показаться странным: зачем, в самом деле, было прибегать к услугам почты, когда проще собраться вместе и все обговорить? “Всякий письменный обмен мнений, разумеется, не в состоянии заменить непосредственную возможность дополнить отдельные положения или слова, во избежание недоразумений, тут же нужными оговорками и разъяснениями” (л. 2 об.), – вполне резонно напоминал Добиаш-Рождественской Э.Д. Гримм. Но у той были свои причины. Она, похоже, предпочитала пореже встречаться с академическим начальством, которое, как ей хорошо было известно, привыкло по-своему перетолковывать любую устную договоренность.

В ее письме от 2 июля сквозит обида. Она была явно в расстроенных чувствах: в нем есть помарки, нескладные фразы. Присланную ей начальственную программу исследовательница все же готова была признать “заслуживающим внимания опытом” (“и мне будет интересно видеть, как удастся ее выполнить”). Правда, на ее взгляд, любому историку, который примет за основу предлагаемый руководством кафедры проспект, понадобится «изменить ряд положений, расходящихся с конкретно-научными “установками последнего времени”»⁸. Речь шла о месте норманнов в программе, а также и других весьма спорных вопросах: об умолчании о паломническом движении, которое, на ее взгляд, было трудно подвести под колонизационное, об умолчании о роли Ключни, о военно-монашеских орденах и т.п.

Но свое собственное отношение к новой программе Добиаш-Рождественская определила бескомпромиссно: “Она целиком... противоречит моему представлению об истории Крестовых походов. Выполнить концепцию, чуждую мне в такой мере (я думала, что дело могло бы идти о некоторых ос-

⁶ Архив ИИМК РАН. Ф. 35/1934. Ед. хр. 55. Указания на листы дела даются в тексте, в скобках.

⁷ Добиаш-Рождественская О.А. Культура... С. 259.

⁸ Выделенные курсивом слова зачеркнуты автором.

вежающих положениях. Между тем сущность моей программы собственно отменена, чего я не мыслила) я не могу и не хочу” (л. 19).

Реакция Э.Д. Гримма была не менее оперативной. В отправленном 5 июля большом письме он, огорченный и встревоженный отказом его корреспондентки участвовать в подготовке учебника, перенес центр тяжести на объяснения по поводу паломнического движения, норманнов и пр., убеждая, что все эти сюжеты непременно будут присутствовать в тексте, а в программу они не попали только из-за ее краткости. Едва ли он не понимал, что не отсутствие в проспекте упоминаний о Ключи или норманнах побудило его корреспондентку отказаться от желанной для нее работы. Просто так было легче вести разговор, убеждая ее изменить свое решение.

Принципиальных разногласий Гримм тоже касался. Но дело тут свелось больше к настойчивому повторению, что он руководствуется “той конкретной постановкой вопроса, которая неумолимо вытекает из марксистской концепции исторического процесса”, что предлагаемая им программа является “стройным выражением определенной исторической концепции”, а “эта концепция и есть марксистская концепция, и я не вижу, в чем она могла бы расходиться с конкретно-научными установками”. Строилось нечто вроде силлогизма. Гримм напоминает Ольге Антоновне ее же слова насчет того, что “вырабатываемый ныне учебник должен быть марксистским не только по общей концепции, но и в смысле последовательного научно-обоснованного освещения отдельных этапов и конкретных исторических событий и явлений”. Отстаиваемая им программа, как сказано, и является марксистской. Значит, все это “позволяет мне надеяться, что вышеприведенные мои объяснения поколеблют в Вас убеждение в абсолютной чуждости для Вас нашей концепции и в полном противоречии его содержания Вашему представлению о Крестовых походах и что Вы признаете возможным не отказать нам в Вашей, крайне ценной, помощи в выпавшей на нашу долю трудной и ответственной, но вместе с тем и увлекательной работе” (л. 21–21 об.).

Письма тогда доходили быстро. 7 июля, приехав на полтора дня домой с дачи, О.А. Добиаш-Рожественская уже нашла это послание. По ее словам, оно “заставило меня сильно задуматься”. Посоветовавшись с И.М. Гревсом, она попробовала “приспособиться к заданию (не жертвуя однако тем, что считаю существеннейшим)”, трижды переделывала проспект, но ни один из вариантов ее не удовлетворил. Все же исследовательница пообещала в ближайшие дни принять окончательное решение и, если оно будет положительным (и если сочтет нужным ГАИМК), то “в сентябре–октябре сделать еще одну попытку вместить максимум желательного освещения, не отменяя (это ни в коем случае) того и так, что и как я считаю важным” (л. 22–22 об.).

Письмо от 7 июля благополучно дошло до адресата, судя по тому, что оно подшито в делах ГАИМК. Зато там нет копии послания Э.Д. Гримма, на которое Добиаш-Рожественская 31 июля откликнулась с некоторым недоумением. Ей показалось, что тот все еще не знаком со сделанными ею предложениями. Их она воспроизвела, но уже не повторяя, что “с величайшей охотой” (л. 22 об.) уклонилась бы от участия в подготовке учебника. Позиция ее такова: “Если я могу строить отведенные мне в учебнике главы, в их конкретно-научной стороне, так, как я ее понимаю, то, в сентябре и октябре, я напишу их, причем ставлю для себя обязательным не вступать в противоречие с марксистскими основами учебника” (л. 23).

Итак, к началу осени некий консенсус, можно считать, был достигнут. На пару месяцев переписка оборвалась, а личные контакты, судя по возобновившейся потом корреспонденции, поддерживались. Это не означает, что у кафедры истории феодализма в Западной Европе дела с учебником шли гладко. Авторский коллектив так и не был укомплектован. Например, лишь в конце октября делается попытка привлечь к написанию раздела о каролингской эпохе Н.С. Цемпша (л. 25). Представленные на кафедру главы вызвали много нареканий. 31 октября Э.Д. Grimm докладывал руководству, что раздел А.Г. Вульфуса по истории гуманизма и первая часть главы И.М. Гревса по истории Италии XI–XV вв. возвращены на доработку – в них обнаружен “ряд существенных недостатков /.../ с точки зрения марксистской концепции исторического процесса”. Вульфус уже успел свой текст переделать, но “ограничился мелкими поправками /.../ не меняющими чисто психологического подхода его изложения к проблемам происхождения и характерных черт гуманизма /.../ и не выяснил ни классовой сущности движения в целом, ни взаимоотношений между разными течениями гуманизма и социальным составом буржуазии в целом” (л. 27–27 об.). Пока бумага ходила по инстанциям, Гревс, сославшись на состояние здоровья, отказался дорабатывать свою главу и вовсе вышел из “предприятия” (л. 26).

Администрация, решив оживить работу над учебником, отправила авторам соответствующие напоминания и назначила на 21 ноября заседание авторского коллектива. Добиаш-Рождественская быть на заседании не смогла (или не захотела), адресовав в “Секретариат Кафедры зап. феодализма” краткую справку. К работе над разделом ею обещано было приступить после 25 ноября, “когда кончатся две очень большие и ответственные мои работы, поглощавшие донныне все мое время”, с тем, что первая половина текста будет представлена “после университетских каникул, в начале февраля”. Напоминалось: “Само приглашение к участию в книге я получила с очень значительным, по сравнению с другими, запозданием. Фактическое неприятие моей программы, в весьма существенных пунктах, в начале летних каникул, когда я имела в виду над нею работать, заставило меня тогда передвинуть мои планы. Когда же вопрос о программе разрешился, по-видимому, удовлетворительно, я уже была связана другими обязательствами. Этим объясняется для меня самой нежелательная оттяжка сроков. Но ныне она совершенно для меня неизбежна”. Заодно сказано было и о том, что “договор со мною заключен никогда не был” (л. 30).

В тот же день Ольга Антоновна обратилась с письмом к Э.Д. Гримму. Главное отличие этого письма от справки в том, что здесь она сочла нужным еще раз четко изложить свою “формулу”: “Я имею в виду сделать все, что не может вступить в противоречие с основными положениями марксистского учения, которые я разделяю. Я говорю об основных, не ища совпадения с теми или иными случайными высказываниями марксистов, часто, очевидно, неверными, не оправдываемыми исторической конкретностью. Однако же, так как у меня будут оттенки, отличающие меня от комплекса мыслей коллегии, ведущей учебник, то я нахожу более осторожным представить в первую очередь лишь часть работы, чтобы и для меня, и для коллегии было ясно, насколько оно входит в общую гармонию учебника”. В конце письма “в виду не вполне благоприятного опыта участия ученых старшего круга в учебной книге” вновь ставился вопрос, не

лучше ли “уже теперь предоставить эту главу другому автору” (л. 33–33 об.).

Ответов тоже было два. Строго официальная бумага за подписями заведующего кафедрой Э.Д. Гримма и секретаря М.А. Тихановой не оставляла места для компромиссов. «В случае, – резюмировалось в ее конце, – если указанная Вами оттяжка действительно совершенно неизбежна и вся глава “Крестовые походы” не сможет быть представлена к 10–15 января – Академия вынуждена будет, несмотря на ее глубочайшие сожаления, отказаться от Вашего, чрезвычайно для нее ценного участия в подготовляемом Академией учебном курсе для вуз*ов и передать эту главу другому лицу» (л. 32).

На следующий день, 27 ноября, Гримм уже от своего имени и, так сказать, полуофициально ответил на личное письмо. Напомнив, что ГАИМК дважды предлагал Добиаш-Рождественской заключить договор, но она не пожелала, он – можно думать, с полным основанием – подчеркнул, что дело все же не в договоре и даже не в обремененности иной работой: «Центр тяжести /.../ в ожидаемом Вами расхождении взглядов между Вами и кафедрой по вопросу о соответствии Ваших взглядов основным положениям марксистского метода и соответствующего ему подхода к историческим явлениям». Обращаясь к своей корреспондентке, Э.Д. Гримм не оспаривал ее «замечания, что следует строго различать “основные положения марксистского учения” от отдельных случайных или неслучайных, все равно, высказываний лиц, почитающих себя без достаточных оснований марксистами». Правда, стоит отметить, что “замечание” было им слегка подредактировано. Добиаш-Рождественская писала о “случайных высказываниях марксистов” (л. 33), тогда как более искушенный в политике заведующий кафедрой знал, что ошибаться положено “лицам, почитающим себя без достаточных оснований марксистами”, а их ошибки бывают “случайными или неслучайными”.

Но было отмечено и кардинальное расхождение во взглядах. «Я не могу не указать, – заявлял Гримм, – что подчеркнутое вами выражение “основные положения марксизма”, а далее упоминание об “оттенках”, отличающих Вас от “комплекса мыслей коллегии, ведущей учебник”, при чрезвычайной своей неопределенности открывает широкую возможность полного расхождения между Вашим личным пониманием как этих “основных положений”, так и объективной значимости допускаемых Вами “оттенков” и той постановкой вопроса, которая лежит и должна лежать в основе работы по учебнику. Как в личной беседе с Вами по поводу первоначальной программы, так и в последующих объяснениях по поводу нее, я с полной определенностью обратил Ваше внимание на те проблемы, которые возникают при историческом анализе эпохи Крестовых походов, и наметил определенный состав статьи». В итоге сделан вывод: “Указанный Вами срок представления одной только первой части Вашей главы, очевидно, исключает возможность дальнейших попыток уточнить пределы возможных расхождений Вашего освещения эпохи Крестовых походов с тем, которое по убеждению редакции вытекает из существа марксистского учения и обязывает ее признать такое промедление первоначально предложенного срока невозможным” (л. 34).

5 декабря Ольга Антоновна обратилась в Президиум ГАИМК, откуда ей за неделю до того было послано соответствующее отношение, с посланием, которое должно было подвести черту под затянувшимся делом. “Я вынуж-

дена окончательно признать, что мне не удастся принять участие в этой работе, о чем искренне сожалею, так как работа меня интересовала”, – писала она, не забыв изложить свое видение причин неудачи: “Независящие от моей воли обстоятельства, вроде оттяжки введения меня в работу в самом начале и затем изменение моей программы летом, когда у меня были и время, и силы, помешали мне тогда налечь на эту работу. Ныне это уже неоправимо” (л. 40).

Одновременно было отправлено письмо Гримму. Его “раздражение и упрек, направленный ко мне за то, что наши переговоры, затянувшись, не привели к благополучному соглашению”, задела Добиаш-Рождественскую. “С совершенною решительностью” она вернула этот упрек своему собеседнику, напомнив, что еще второго июля отказалась работать по чужой, для нее неприемлемой программе. “Вам угодно было продолжить переговоры. И хотя тогда Вы смягчили смысл изменения моей программы, но риск неудачи оставался. Ответственность за нее ныне лежит не на мне”. Решительно разошлась она с оппонентом и в вопросе о “центре тяжести моего с Вами расхождения”. “Мы с Вами, – несколько неладно по форме, но совершенно четко по смыслу утверждала О.А. Добиаш-Рождественская, – расходимся в конкретно⁹-исторической концепции явления Крестовых походов. Это – главное и, по-видимому, непримиримое. Так как мне не удалось убедить Вас, как и Вам – меня”. «Уже более второстепенным, – продолжала она, – является следующее. Коллективное писание учебной книги было, очевидно, вызвано стремлением заменить марксизм трафаретный живым пониманием исторических явлений в духе марксизма. Для этого приглашались специалисты, которые с хорошим историзмом смогли бы сочетать живое чувство и понимание марксизма. Только соединение этих двух элементов привлекало меня, притягивая к вступлению в комбинацию, ныне завершившуюся для меня неудачно. В последнем своем письме к Вам я высказала опасение, что прежняя трафаретная точка зрения не изжита вполне, и убеждение, что достижение гармонии потребует значительного времени, в котором ныне Президиум мне отказывает. Но я отнюдь не отказывалась от борьбы за свою точку зрения, в которой видела живой марксизм и проведение которой полагала настоящим смыслом моего участия в учебной книге. Вам угодно было трактовать мое опасение – в Вашем письме – и это еще задолго до всякого представления мною работы – как “возможность полного расхождения с той постановкой, которая должна лежать в основе работы по учебнику”... Этот, столь спешный и решительный, вывод – несомненно Ваш личный. Мои мысли и прогнозы были совершенно иные. Это я считаю необходимым подчеркнуть» (л. 38).

Все же последнее слово – по крайней мере в подборке ГАИМК – осталось за Э.Д. Гриммом. 15 декабря 1934 г. он отвечал: «Письмо Ваше от 5.XII я получил. Решение Ваше отказаться от работы по учебнику при данном положении дела не могу не признать логическим выводом из нашей довольно продолжительной переписки по этому вопросу – выводом, о котором могу пожалеть, но изменить который я не могу. Что касается вопроса о “живом” и “трафаретном” марксизме, то разрешите мне воздержаться от переписки на этот счет, так как я не рассчитываю на возможность достигнуть

⁹ Слово “конкретно” – вписано от руки в машинописный текст.

таким путем выяснения хотя бы тех пунктов Вашей первоначальной программы, по существу сохранившей, очевидно, для Вас руководящее значение, которое представляется мне чуждыми именно “живому марксизму”» (л. 41).

На судьбу готовящегося в Ленинграде университетского учебника по истории средних веков все это долгое препирательство, которое, можно полагать, стоило его участникам немало сил и нервов, в конечном счете никак не повлияло. Учебник так и не вышел. Нелады, какими ознаменовалась подготовительная стадия работы над ним, вскоре отошли на задний план, забылись перед лицом политической бури, толчок к началу которой дали выстрелы в Смольном 1 декабря 1934 г. Академию истории материальной культуры репрессии тоже не обошли стороной..

Удачливее оказался возглавленный А.Д. Удальцовым, Е.А. Косминским и О.Л. Вайнштейном авторский коллектив, который под грифом созданного в 1936 г. Института истории АН СССР выпустил первый том “Истории средних веков” (М., 1938). Написание двух глав о Крестовых походах взял там на себя Косминский.

Невольно напрашивается сопоставление. Будущий академик, как известно, был талантливым, крупным ученым (и, с точки зрения идеологических боссов, не вполне правоторным марксистом). Однако обстоятельства заставляли его приспособляться, допускать отступления от строгих научных принципов¹⁰. Что касается О.А. Добиаш-Рождественской, то, кажется, бесспорно, что способностями к мимикрии и цинизму Бог ее обделил. Судя по воспоминаниям современников и по ее рукописям, скорее можно говорить о сохранившейся до конца дней известной наивности в житейских делах (в том числе в общении с официальными кругами и с официальной идеологией). Не беремся сравнивать их вклад в науку или соизмерять масштабы этих двух ярких личностей. В чем же и насколько различен их подход к освещению крестоносной проблемы в университетском учебнике?

Специалистом по истории Крестовых походов Е.А. Косминского трудно было бы назвать. Тем не менее свой краткий, на два десятка страниц, очерк он составил вполне профессионально и при этом умело учел, так сказать, социальный заказ. По тогдашнему обыкновению, искомая – так заботившаяся, как было показано, администрацию ГАИМК – “марксистская концепция” проявляла себя здесь главным образом в подборе всех более или менее подходящих к случаю высказываний классиков марксизма-ленинизма. Вполне тривиальная сама по себе мысль о том, что феодальный порядок нашел свое классическое выражение в Иерусалимских ассизах, в учебнике приобретала особый вес, ибо фигурировала в цитате из письма Ф. Энгельса к К. Шмидту. Косминский еще более усилил эффект, предварив цитату пояснением: “Энгельс считал, что...”¹¹. Все-таки одного классического высказывания было мало. Нехватку цитат преодолели при переиздании книги в 1941 г., когда текст дополнили за счет вошедших к тому времени у советских историков в моду “Хронологических выписок” Карла Маркса, хотя к концептуальной стороне проблемы они имели, мягко говоря, косвенное отношение.

¹⁰ См.: Гуревич А.Я. Комментарий очевидца // Одиссей: Человек в истории. М., 2003. С. 301–302.

¹¹ История средних веков. Т. I. М., 1938. С. 257.

Похоже, Е.А. Косминский пошел именно по тому пути, какой упрямо отвергала Добиаш-Рождественская в своем споре с дирекцией ГАИМК. Ее письма на данную тему, равно как и другие высказывания по поводу марксизма, однозначно свидетельствуют об испытываемом ею интересе и уважении к учению Маркса. Должно быть, прав Б.С. Каганович, когда пишет: “В 30-е годы О.А. Добиаш-Рождественская /.../ испытала в своем научном мировоззрении определенное влияние марксизма”¹². Очевидно, так оно и было. Только понимание ею того самого марксистского учения, которое, по ее же словам, она разделяла, было достаточно своеобразным и – главное – никак не гармонировало с кристаллизировавшейся к тому времени в Советском Союзе его разновидностью, гордо именуемой марксизмом-ленинизмом. Ольга Антоновна не могла привыкнуть к тому, что ученый обязан приводить свои выводы в соответствие с сакральными текстами...

Не удивительно, что в ее научных студиях – занятиях историей Крестовых походов в том числе – центр тяжести все больше сдвигался в сторону источниковедения – предмета, который она всегда любила и который к тому же менее всего зависел от идеологической и политической конъюнктуры. Об этих занятиях в частности свидетельствуют хранящиеся в ее личном фонде ОР РНБ конспекты лекций по источниковедению западного средневековья. На их основе О.А. Добиаш-Рождественская в середине 1930-х годов подготовила большую статью, оставшуюся в рукописи и опубликованную полвека спустя Б.С. Кагановичем¹³. Из статьи видно, что нападки критиков не заставили исследовательницу радикально пересмотреть свой взгляд на крестоносную проблему. По-прежнему она была склонна опоэтизировать «приподнятое и возбужденное настроение участников “необычайного подвига”, пережитые ими изумительные впечатления, освобождение от привычных условий жизни и привычных связей». Восхищаясь крестоносными хрониками и связывая с ними рождение “нового типа историка, гораздо более живого и, главное, независимого”, Добиаш-Рождественская в то же самое время тщательно разрабатывала и уточняла генеалогию этих хроник, сопоставляла их с другими видами источников¹⁴. К великому сожалению, до нас дошла лишь часть сделанных ею наблюдений.

Ее положение в советской исторической науке все же было достаточно двусмысленным. С одной стороны – “первая в России женщина-магистр, а затем и доктор всеобщей истории” и прочая лестная фразеология. К тому же Ольга Антоновна, в отличие от своего старого друга Д.М. Петрушевского, была далека от не одобряемых властями дискуссий о неокантианстве и иных абстрактных материях и даже старалась себя убедить (трудно сказать, с каким успехом) в разумности происходивших в стране политических перемен. С другой – “методологические установки автора делают его выводы и оценки совершенно неприемлемыми для марксиста”. Эта цитата, взятая из “Историографии средних веков” О.Л. Вайнштейна¹⁵, адресована исследова-

¹² Каганович Б.С. О научном наследии О.А. Добиаш-Рождественской // *Добиаш-Рождественская О.А. Культура...* С. 320.

¹³ *Добиаш-Рождественская О.А. Источниковедение западного средневековья // Она же. Культура...* С. 52–92.

¹⁴ Там же. С. 83–85.

¹⁵ Вайнштейн О.Л. *Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней.* М.; Л., 1940. С. 326.

ниям Добиаш-Рождественской о культе св. Михаила. О ее работах на тему Крестовых походов Вайнштейн – с 1935 г. заведующий кафедрой истории средних веков ЛГУ, под чьим началом ряд лет работала О.А. Добиаш-Рождественская – в 1940 г. предпочел вовсе не упоминать. Многие годы спустя, в “Истории советской медиевистики”, он скажет, что они “все же не дают верной картины рассматриваемых явлений”, поставив в вину автору идеализм и неоромантизм¹⁶. А неоромантизм, по его же словам (правда, произнесенным по другому, не связанному с автором “Эпохи Крестовых походов”, поводу), отличался не меньшей реакционностью, чем старый романтизм¹⁷.

Возникала странная ситуация, впрочем, в ту пору нередкая, почти стандартная: за ученым признавались и эрудиция, и исследовательский талант, но напрочь отвергались результаты его изысканий. Именно отвергались, а не опровергались. У марксистов-ортодоксов – даже у таких эрудированных, как О.Л. Вайнштейн – не доставало знания источников, не хватало аргументов по существу дела, и в своей критике позиции Добиаш-Рождественской они больше исходили из априорных посылок (если не просто из высказываний классиков марксизма-ленинизма). Показательно, что, работая в послевоенные годы над фундаментальной “Западноевропейской средневековой историографией” (М., Л., 1964) и останавливаясь на тех крестоносных хрониках, какие в свое время изучала Добиаш-Рождественская, Вайнштейн так и не вступит в прямую полемику с ней.

Особый вопрос – соотношение между “Источниковедением западного средневековья” О.А. Добиаш-Рождественской и книгой ее ученицы и продолжательницы А.Д. Люблинской “Источниковедение истории средних веков”, где источникам по истории Крестовых походов посвящена специальная глава¹⁸. Преемственность между ними и в интересующем нас аспекте бесспорна, но бросаются в глаза также и существенные различия – различия явно в пользу книги 1955 г. Созданному в 1930-х годах очерку еще не хватало внутренней цельности, изложение оставалось фрагментарным, эмоции порой заслоняли собой анализ, короче говоря, при всех своих достоинствах очерк отражал уровень отечественной медиевистики той поры, когда еще не созрели условия для источниковедческого синтеза. Очевидно, именно эти обстоятельства – вместе с отсутствием у Добиаш-Рождественской интереса к социально-экономической проблематике – имела в виду А.Д. Люблинская, всегда с огромным пиететом отзывавшаяся о своей наставнице и тем не менее утверждавшая, что исторические концепции последней “принадлежат безвозвратно ушедшему в прошлое этапу развития русской медиевистики”¹⁹. Попытка Б.С. Кагановича опровергнуть это утверждение²⁰, пусть и продиктованная самыми благими намерениями, все же, думается, несостоятельна.

Критические замечания А.Д. Люблинской, насколько можно судить, никоим образом не касались пристального, настойчивого внимания О.А. Добиаш-Рождественской к людям средневековья, их восприятию мира, их чувствам и страстям – качества, которое так ярко проявилось в ее лекционном

¹⁶ *Он же*. История советской медиевистики: 1917–1966. Л., 1968. С. 60.

¹⁷ *Он же*. Историография... С. 271.

¹⁸ Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 116–125.

¹⁹ *Она же*. Значение трудов О.А. Добиаш-Рождественской для развития латинской палеографии в СССР // Средние века. Вып. 29. М., 1966. С. 173.

²⁰ Каганович Б.С. О научном наследии О.А. Добиаш-Рождественской. С. 319.

курсе и книгах на крестоносную тему. Напротив, Люблинская считала нужным подчеркнуть, что в трудах ее наставницы “немало материала для правильного понимания религиозной психологии средневекового человека и притом не изолированно, а в тесной связи с окружающей его действительностью”²¹.

Но из других уст О.А. Добиаш-Рожественской действительно не раз доводилось выслушивать упреки за якобы переоценку ею роли личности в истории крестоносного движения. Это не поколебало ее позиции: для нее на первом плане всегда стояли люди с их неповторимой индивидуальностью. Свое понимание предмета она четко выразила в рецензии на второй том “Истории Византии” А.А. Васильева (Пг., 1923)²².

Обращают на себя внимание сходные черты в исследовательском мышлении О.А. Добиаш-Рожественской и Ф.И. Успенского. Ученые принадлежали к разным поколениям и разным школам, различны были области их научных разысканий. Но их объединяло общее понимание роли личности в истории. Свое кредо академик Ф.И. Успенский изложил в 1913 г., в первом томе “Истории Византийской империи”: “...нет личности, которая была бы вполне равна другой, есть личности, трудно объяснимые из окружающей их обстановки. Если устранить из истории влияние личности, то останутся неразгаданными самые крупные в ней события”²³.

Трактовка самой истории Крестовых походов и подход к посвященным ей исследованиям – неплохой индикатор состояния нашей исторической науки и происходящих в ней перемен. Красноречивы в этом смысле оценки работ Добиаш-Рожественской, данные в разные годы таким известным специалистом в данной области, как М.А. Заборов. В 1951 г. он писал: “Работы О.А. Добиаш-Рожественской являются шагом назад по сравнению с тем, что было написано русскими буржуазными историками о крестовых походах”. И далее: “...несмотря на довольно интересный фактический материал, работы О.А. Добиаш-Рожественской о Крестовых походах являются совершенно чуждыми марксизму и для нас абсолютно неприемлемыми”²⁴. Полтора десятилетия спустя, в 1966 г., его же оценка звучала так: “Лекции О.А. Добиаш-Рожественской о Крестовых походах содержат ценный материал, в известной мере самостоятельно ею разработанные источниковедческие и историографические положения и разделы. По своей научной обстоятельности и углубленности они могут быть отнесены к числу наиболее солидных спецкурсов по данной проблематике, читавшихся в начале XX века в русской высшей школе”²⁵. Нет нужды пояснять, что такие различия в оценках отражали в конечном счете те изменения, которые происходили в политической жизни страны.

Увлечения, которые допускала О.А. Добиаш-Рожественская в своих занятиях крестоносной тематикой, были другого рода, чем продиктованные социологическим схематизмом, лишённые творческого полета и размаха суждения ее критиков. Даже те ее суждения, с которыми трудно согласиться, зачастую оказывались более плодотворными, чем сухие схемы ее оппонентов.

²¹ Люблинская А.Д. О.А. Добиаш-Рожественская как историк // Средние века. Вып. 1. М., 1942. С. 216.

²² См.: *Анналы*. Г. 4. 1924.

²³ Успенский Ф.И. *История Византийской империи*. Т. 1. М., 1966. С. 264.

²⁴ Заборов М.А. Крестовые походы в русской буржуазной историографии // ВВ. 1951. Т. IV. С. 188–189.

²⁵ Он же. Из истории изучения Крестовых походов в отечественной медиевистике. С. 358.